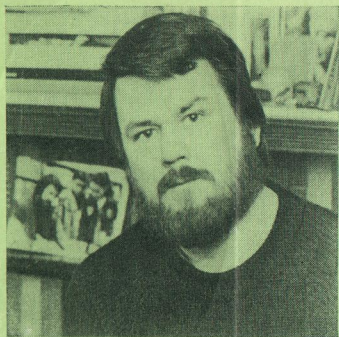

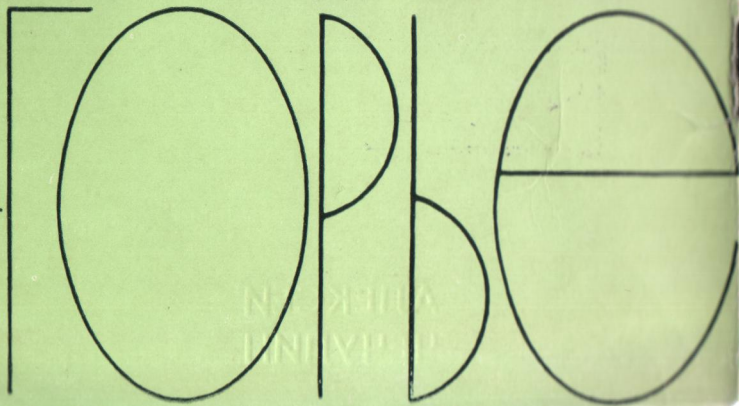
ЯСНО

ГОРЬЕ

АЛЕКСЕЙ
ЧЕЧУЛИН

Книги уральского поэта издавались в Москве и Свердловске. Стихи, составившие новый сборник, укрепляют ощущение неразрывной связи поэта с рабочим краем, его светлой природой, обогащают палитру негромкой, но искренней лирики.

84(2Рос)6
У-57

АЛЕКСЕЙ
ЧЕЧУЛИН

2013

12/11-39

орье

Средне-уральское
книжное издательство
г. Асбест

г. Асбест

Свердловск
Средне-уральское
книжное издательство

1982

ЦГБС

г. Асбест

Р2
Ч-57

Ч-57

Чечулин А. И.
Ясногорье. Стихи. Свердловск, Средне-
Уральское кн. изд-во, 1982.— 64 с.
Новая книга молодого уральского поэта.

ч 70402—057 4702010200
М158(03)—82

Р2

© Средне-Уральское книжное издательство, 1982

Живу на стыке севера с тайгой,
Где сходятся
Зеленый цвет и белый,
Где горный кряж,
Увенчанный звездой,
Нисходит
В тихий холмик поседелый.

Здесь холод —
Основная из примет
И тяжела горняцкая работа,
Но посмотри-ка:
Клюква на болоте
И перед снегом
Набирает цвет.

Кто этот край похает — согрешит.
Хвалить его?
На что ему реклама!
Где зелено,
Там проживает мама,
А под звездою
Батюшка
Лежит.

Ясногорье

Я выхожу на гору Благодать
Навстречу
Наступающему лету.
Мне,
Кроме жизни,
Нечего отдать
За красоту немеркнущую эту.

Сплошные версты молодых полей.
Дорога от ночлега до ночлега.
Здесь даже самый малый воробей
Как близкая родня для человека.

О родина зеленая моя!
Леса и горы,
Дальние пространства —
Магнитный край
Любви
И постоянства...

О родина зеленая моя!

Сирень

Была вполне обычной плавка.
Весь в белой ярости металл
То разливался морем плавно,
То громы-молнии метал.

Потом я взял его в ладошку,
И столько было в нем тепла,
Что по всему Магнитогорску
Сирень

внезапно

зацвела.

Шахта

ынагсаб

Шахта! мүш ынагсаб
 Ах ты! ынагсаб тогашуптег эН
 Глубина! ынагсаб тышад дотавваске мет
 Под ногами шатко.в эН ынагсаб тудН
 К сердцу сладкая волна рдөн ынагсаб
 Подступила в шахте. ынагсаб эН

И летит стальная клеть роднорох хН
 К черту мохврдмүвоп тэврэдтэв
 На кулички.мохврдмүвоп доп тынагсаб
 Миллионы ртүП ынагсаб М N
 Зим и лет мохврдд ден вүнагсаб
 Чую с непривычки.онноз тэврэддэрдэП
 ынагсаб

Миллионы за спиной! ынагсаб ынагсаб
 В разум не вмещается! ынагсаб ынагсаб
 А бригада надо мной догсоровожэ вмавМ
 Явно потешается. мохврд э вкшототэК

Что, мол, ынагсаб ынагсаб
 Взять-то с новичка — ынагсаб ынагсаб
 Оглушен веками. ынагсаб ынагсаб
 Все тут ахали, пока ынагсаб ынагсаб
 Не попривыкали. ынагсаб

Мне старшой ынагсаб ынагсаб
 Мигнул хитро: ынагсаб ынагсаб
 — Все у нас шикарное. ынагсаб ынагсаб
 Даже транспорт ынагсаб ынагсаб
 Как метро, ынагсаб ынагсаб
 Только вертикальное. ынагсаб

Братаны

Карьерный шум
Не заглушают стены:
Там экскаватор дышит горячо.
Идут братаны из вечерней смены,
Шарфы небрежно бросив
На плечо.

Их коридор
Встречает полумраком.
Звенит под рукомойником вода.
И Млечный Путь,
Повиснув над баракom,
Перебирает сонно
Провода.

С плиты снимает
Мама сковородку.
Картошка с салом
Ох и хороша!
И я раздумал ехать
В мореходку.
В заботу просилась
Юная душа.

Но из меня не вышло машиниста,
Хотя и был я вроде грамотей.
Уж больно месяц
Наклонялся низко
Над тайною
Тетрадкой
Моей.

После войны

Мужики во дворе у нас
Доминошники и курцы.
По субботам, как правило,
Собираются вместе.
И только похрустывают
На зубах огурцы,
И стучит домино,
И негромкие слышатся песни.

Что бранить мужиков!
Они пашут как черти.
Вот и выпили малость,
Как раньше сто грамм фронтовых.
Ну и вспомнили, ясно,
Недавние встречи со смертью.
А теперь все в порядке
И в цехе, и дома у них.

Мужики у нас славные,
Вот тебе честное слово.
Дядя Саня с медалями,
Витькин батяня — шофер.
И сосед по квартире
Только с виду суровый —
Был контужен в Смоленске,
Не вымолвил слова с тех пор.

Дядя Саня разводит
Тельняшку трофейных мехов,
И «Амурские волны»
Призывно гремят над Садовой.
Сразу шум замолкает,
Выходят легко из домов
Наши матери,
Каждая в кофточке новой.

К гимнастеркам застиранным
Тянутся детские взоры,
Словно видим впервые
Вернувшихся с фронта отцов...

С каждым годом пустеют
Скамеечки у забора.
Вот такие дела,
Хоть навалом у нас огурцов.

Тетя Вера

Карьер
Не стану рифмовать
С карьерой.
Не потому, что рифма с бородой.
Тридцатый год в карьере
Тетя Вера
Командует асбестовой рудой.
Иному —
Продвижения по службе,
Ее же путь ничем не знаменит.
Пришла в войну,
Когда сказали:
— Нужно
За рычагами мужа заменить.
Она себе не сделала карьеры,
Но для меня
Как совесть
Жизнь ее.
Отсюда начинается,
От Веры,
Отечество великое мое.

Отцветают поздние ромашки.
Я от них глаза не отведу.
Сшей мне, мама, белую рубашку,
Белую, как лебедь на пруду.

Помогая солнышку за рамой,
Свет зажгу, хоть вечер далеко.
Но в иглу
Не вденет нитку
Мама —

С каждым днем
Сужается
Ушко.

Лопата

Пусть черенок горбатый,
Но ей износу нет.
Мне нравится лопата —
Хороший инструмент.

Сработана по чести,
В движениях легка,
Лопата с нами вместе
Какие уж века.

Копаем ли окопы,
Сажаем ли сады,
Она всегда охотно
Берется за труды.

А в тяжкий час прощанья
Сроднит тебя с землей.

Почетное бы званье
Лопате штыковой!

У запруды

В деревянную грудь запруды
Многотонная бьет вода.
После цеха пора остуды
Мне запомнится навсегда.

Разрезаю с разбега волны —
Обжигающий холодок!
И дышу синевою вольно,
На горячий упав песок.

Хорошо,
Скинув с плеч усталость,
Быть с природою заодно.
В пряжу леса,
Гудком прощаясь,
Входит поезда
Веретено.

Не сторонний и не прохожий,
Знаю высшее торжество —
Ясно чувствовать, день итожа,
С милой родиною родство.

Так лежу посередке лета,
Глупый, радостный, молодой,
Семь горячих часов за это
Смене выплатив заводской.

Усталость

Восемь верст
Армады звезд
Нам показывают хвост.
От захода до восхода,
Кажется, прошло полгода.

Наш старшой
Шутник большой,
Но пока нам не до шуток.
Экскаватор двое суток
В дальний шествует забой.

По отрожью,
Бездорожью,
По раздвинутой тайге.
И дрожит могучей дрожью
Богатырский ЭКГ.

Перегнали.
Перегнули
Весь кустарник на пути.
Тут же замертво уснули —
Ни проехать, ни пройти.

Розоватый,
Резковатый
День поднялся из тайги.
И, как лошадь, экскаватор
Нам обнюхал сапоги.

Шестидесятые

Вот и в жизни моей настает
Этот день, когда старое танго,

Как внезапно открытая тайна,
Прямо по сердцу вдруг полоснет.

Это юность далеких времен,
Это шестидесятые, лето,
Танцплощадка, куда без билета
Норовил пацанов легион.

Это девочка в платье из ситца,
Это Мишки Борисова сакс,
Это музыка только для нас
И природного цвета ресницы.

Мы с тобою проходим по кругу,
Подражая героям кино.
Танго это забыто давно.
Стой же, как тебя звали, подруга?

Последняя просьба старшего брата

Что лукавить мне с самим собою:
Чуда нет, —
не будет —

И не жди.

Я во многих побывал забоях,
А теперь последний —
Впереди.

Вот закончу жизнь, и — слава богу,
Не забудьте просьбу, мужики, —
Пусть меня в прощальную дорогу
Провожают взрывом рудники.

Не сочтите сказанное слово
За желанье почести большой.

Это для мамани —
будто снова
Ухожу в забой
очередной.

Истоки

Чем дальше я иду,
Тем ближе я к истокам,
К тем временам жестоким,
Откуда счет веду.

Мой дядька: бравый вид,
В линиях гимнастерке...
Казалось — Вася Теркин,
А был он инвалид.

А сколько их, калек,
Совсем еще не старых,
Приткнулось на базарах.
Мы помним сей ковчег.

Теперь почти их нет.
А льготы, что им дали,
Немного запоздали.
И дядька мой отпет.

Не в этом, ясно, суть;
Что льготы, если тело
В огне войны сгорело,—
Погибших не вернуть.

О, дольше, жизнь, продли
Святую боль истоков,
Омытых кровью сроков,
Откуда мы пошли!

Родичи

Каждый дом
Их памятью согрет.
Не померкнут в ней родные лица...
Чтобы обелискам поклониться,
Мне не хватит в жизни зим и лет.
У меня лежит за Вислой родич,
И за Волгой родич,
и за Мгой...
Мне осталась каска.
«Не уронишь?»
Если уроню —
то с головой!

Джалинда

Джалинда. Поселок неброский.
Амурская ходит волна.
А там, за рассветной полоской,
Темнеет чужая страна.

Такие же сопки и воды.
И тот же
Багульника цвет.
Но кажется мне,
В той природе
Души, как на родине,—
Нет.

Под эти
Пахучие гроздья
По эту мне сторону
Лечь,
Где истинно

Это для мамани —
будто снова
Ухожу в забой
очередной.

Истоки

Чем дальше я иду,
Тем ближе я к истокам,
К тем временам жестоким,
Откуда счет веду.

Мой дядька: бравый вид,
В линиях гимнастерке...
Казалось — Вася Теркин,
А был он инвалид.

А сколько их, калек,
Совсем еще не старых,
Приткнулось на базарах.
Мы помним сей ковчег.

Теперь почти их нет.
А льготы, что им дали,
Немного запоздали.
И дядька мой отпет.

Не в этом, ясно, суть;
Что льготы, если тело
В огне войны сгорело,—
Погибших не вернуть.

О, дольше, жизнь, продли
Святую боль истоков,
Омытых кровью сроков,
Откуда мы пошли!

Илья

Он жил по соседству, сапожник Илья.
С утра молоток тут-тук...
У дядьки и пенсия и семья,
Он всем закадычный друг.

И знал весь двор наизусть рассказ
О том, как в мадыарской земле
Илья командира от смерти спас,
За это — медаль Илье.

Он обувь тачал на любой фасон
Рукой, привычной к добру.
Вдовам за так, приговаривал он:
— С солдатских жен не беру.

И бабы платили ему молоком,
А мужики — махрой.
Но все неуверенней молотком
Стучал чеботарь седой.

Все реже он вспоминал старину,
Все чаще он повторял:
— Всего-то сходил на одну войну,
А две ноги потерял.

Огонь

Есть что-то
Очень личное в огне
По осени, по заморозкам ранним,
Когда горит полсолнышка в голландке,
Его остатки светятся в окне.

Я понимаю,
Есть у нас всему
Природой установленные сроки.
Но, кажется мне,
Все-таки жестоко,
Что гаснет печь
В родительском
Дому.

Любимая, обидная моя!
Мне холодно осенними ночами.
Какие степи, горы и моря
Опять легли разлукой между нами.

И незачем тебя тревожить авиа,
Так суждено, судьбу не укоришь.
Я как стихотворенье без названия,
А ты названье знаешь — и молчишь.

Незнакомая заря,
Тополей переплетенье.
Вдруг ударило метелью
На исходе октября.

И такое началось,
Что черны одни овраги,
Словно строчки на бумаге,
Перечеркнутые вкось.

ЦГБС

г. Асбест

Центральная
городская библиотека

г. Асбест

-381011-

Крутыми улочками Кушвы
Спускаюсь к сонному пруду,
Где лодок сумрачные туши
Лежат тюленями на льду.

Багрово пламя от завода.
Железным гулом ночь полна,
И от печей до небосвода
Закрыла звезды пелена.

Но, пробиваясь через дымку,
Мелькнул кометы дальней хвост.
И, как сухую хворостинку,
Переломил его мороз.

И стало странно и печально,
Такая оторопь нашла:
Я столько выдал обещаний,
Я столько задолжал тепла!

Ровесникам

За тридцать нам, годки мои,
За тридцать лет войне.
Мы столько стоили любви
Воюющей стране!

Она последние куски —
На фронт и детворе.
Был немец бит у стен Москвы
В морозном декабре.

Отцы вставали в полный рост
В колоннах штурмовых.

И мы любили их до слез,
Еще не зная их.

В конце концов нам повезло
Хотя бы потому,
Что мы фашистам всем назло
Пришли на свет в войну!

Над журавлиным клином
Пронзительны небеса.
Осень прощальным инеем
Выбелила леса.
Почудилось, что в пространстве
Вся жизнь сведена к нулю.
И вдруг ты сказала:
— Здравствуй!
А я разобрал:
— Люблю!

Август

Я узнаю его по всем приметам,
Достаточно порою и штриха.
Запуталось в тумане легком лето,
И ласточек баюкает стреха.

А в воздухе
Отстой брусники спелой,
Трава и хмель
Переплелись окрест.
И озеро уже похолодело
От затонувших поутру
Небес.

Цветов некрасивых нет,
Не выдумать и понарошке.
Но самый
Пронзительный
Цвет —
Цвет детства —
Цены ему нет,—
Пылает на поле картошки.

Окраина

Так бывает необъяснимо:
Как на выдохе вдруг замрешь.
Сколько раз пробегал я мимо
Огородов этих и роц.

Ну, окраина городская.
Ну, поселочек заводской.
И окраина небаская.
И поселочек небаской.

Но дорога меня однажды
Завела невзначай сюда.
Здесь на каждой избе,
На каждой,
В честь погибших
Горит звезда.

Сколько их, молодых и старых,
Не пришедших с войны домой,
Здесь,
На улице Сталеваров!
Здесь,
На улице Заводской!

Эта женщина пожилая,
Что окучивала рядки,
Мать солдата, вдова ль седая,
Смотрит в дали из-под руки.

Так, наверное, и глядела
Эшелонам военным вслед.
Так, наверное, и седела
Эти долгие тридцать лет.

Что ей видится в летней сини?
Ты куда, тропа, завела?
Как цветы полевые в России
Звезды, звезды...
Им нет числа.

Костры

Ботва уже собрана в кучи
И отдана жарким кострам.
Дымы горьковато-пахуче
Качаются по деревьям.

Над всею над Русской равниной
Предзимние торжества.
О славный обычай старинный —
Горит в огородах ботва!

Хозяева сходятся тихо
У крепких тесовых ворот
В надежде: минует их лихо,
А счастье не обойдет.

И мне с этой думою легче,
Хоть дом мой отсюда далек.

Вот так и мои у крылечка
Проводят осенний дымок.

В Баранче

Как шаль из кашемира,
Легла на горы мгла.
Доверчиво и мирно
Луна в обход пошла.

Спит у горы поселок,
Завод притих давно.
Под сенью старых елок
Открою в ночь окно.

В тяжелые години,
Отчизны честь храня,
Отсюда выходили
Патроны и броня.

На Костаревской горке
От сосен воздух чист.
Увижу я на зорьке
Граненый обелиск.

Здесь травы не косили
Горячею косой.
Рабочий полк Васильева
Стоял под Баранчой.

Бил бронепоезд с гулом,
Кольт грохотал во ржи...
Над зоревым июлем
Прносятся стрижи.

Негромкое местечко.
У ближнего леска

Бежит в тумане речка, ◆◆◆
Знакомка Ермака.

На краешке Европы
Присядь и помолчи.
Ну вот и все вам вроде
Приметы Баранчи.

За Турой, за Камой, за Тоболом
Следую я, лебедь, за тобою.
Следую, как жажда за водою,
Как за путеводною звездою.

Слушай, зачарованная птица,
Прежде чем в тумане раствориться,—
Хоть поверье это и старо,—
Оброни неслышное перо.

Подарю любимой, но не любящей,
Чуждого да пришлого голубящей,
Чтоб она по нынешней весне
Вдруг затосковала обо мне.

Так затосковала, что невмочь,
Чтоб ей было некому помочь,
Чтоб вослед она пошла за мной,
Как за путеводною звездой.

Как теперь хожу я за тобою
За Турой,
За Камой,
 за Тоболом.

Их ленью души не подведу.
Уроки их я не предаю забвению.
Меня учила Азия терпению,
А заводской Урал учил труду.

Они за мной
Отечески следят.
Да будет жизнь
Наполовину горькой,
Но только бы совпала
С поговоркой,
В которой
Труд с терпеньем
Победят.

Сколько разного в сердце
С годами по праву поместится —
И дорог, и судеб,
И оборванных снов, и любви!
В небесах надо мной
Ятаган азиатского месяца,
Под ногами иголки
Опавшей до срока хвои.

Кто мы в этом безбрежном,
Затерянном в космосе мире?
Что от нас бытию?
Пишем жизнь, торопясь, набело,
Но порой даже в комнате нашей,
Что три на четыре,
Нам, как в космосе, пусто,
И холодно, и тяжело.

Домой

Бетонка тянется к рассвету
Сквозь азиатский гул степей
И манит к северному лету,
К таежной родине моей.

И вот уже качнулся «Ил» мой,
Квадраты пашен под крылом.
Давай скорей, лети, мой милый,
Туда, где ждет отцовский дом.

Там, за станицею казачьей,
Где, как клинок, светла река,
Просторы утра обозначив,
Возникнут ясные стога.

Там лягуши звенят в осоке,
Там домовой дудит в трубу.

Все минареты на востоке
Меняю на одну избу.

Прощанье с юностью

Как долго длятся вечера,
Покой сминая.
Подходит, вот она, пора,
Пора иная.

Сорвался одинокий лист,
Судьбу отмеря.
И тишине отозвались
Протяжно двери.

И боль, что вызрела в груди,
Очнулась снова.
Насквозь прозрачные сады.
Прощанья слово.

Спасибо, лучшее вчера,
За все, что было.
Подходит зрелости пора.
Чу, дверь открыла...

Как сладостно
У отчего порога
Прижать к пробою
Жаркое лицо.

И непривычно вдруг
Заноют ноги.
Как долго шел!
Как высоко крыльцо!

Дом

Катаем брезна,
Ставим брату сруб.
Венец к венцу, чтобы векам не тронуть.
И парусом рубахи на ветру,
Как занавески будущего дома.

Не бог
Нам в помощь,
А знакомый люд,
До топора до плотницкого лют.

Ядреная работа, что веселье,
Перешибет и хвори и похмелье.

И, потные от пяток до макушки,
Ковши роняем в глубину кадушки.
Хорош квасок из погреба со льдом!
Всем миром ставим дом.
Живи ладом!

В шутку

Только он
И видел встречу нашу,
Рыжий месяц
На печной трубе.
С той поры
Ищу свою пропажу,
Каждый вечер
Прихожу к тебе.

Пусть ворчит
Опять твоя мамаша,
Пусть мой снова
К дому тридцать пять.
Я-то знаю,
Где моя пропажа
Может бесконечно
Пропадать.

Замри

Замри и услышишь:
В горах грохоча,
Бежит, омывая сады,
Баранча.

Замри и услышишь:
На Синей горе
Сосняк потянулся
Навстречу заре.

Замри и услышишь
Почти за версту
Бродяг-электричек
Глухой перестук.

Замри и услышишь
В сиреновой мгле:
Огромное утро
Идет по земле.

Сынишка губами
Во сне шевелит.
Наверное, снова
Над миром парит.

Прекрасное время —
Предутренний час,
Когда ни забот,
Ни пороков у нас.

И каждый уверен,
Не будет беды,
Когда одуряюще
Пахнут сады.

И каждый надеется:
День не пройдет,
А что-то хорошее
Произойдет.

Далекий год храня

Вот верь или не верь,
Но снится мне все чаще
Асбестовый карьер,
Огни в гигантской чаше.

И верная братва,
И камень серебристый.
И я, едва-едва
Успевший опериться.

О господи, какой
Тогда был год, ответьте,
Когда пошли в забой
Вслед за отцами дети?

Вот снимок, а на нем,
Любительском, размытом,
Снят я осенним днем
Фотографом забытым.

В кирзовых сапогах,
В казенной телогрейке.
Копьем в моих руках
Маркшейдерская рейка.

Стою и не горюю,
Веселый, молодой.
Тебя благодарю я,
Фотограф дорогой,

За то, что задержал
На годы облик детский...
Потом я ключ держал,
Пятифунтовый, шведский.

Взбирался на столбы,
Груз принимал на плечи
И много от судьбы
Не требовал, беспечен.

Далекий год храня,
В себя хочу взглядеться.
Каким же у меня
Прекрасным было детство!

Звенели косы

Полян брусничных нестерпимый пыл,
В кустарнике томленья коростеля.
Земля родная,
я ли позабыл,
Как шли на зорьке
ранние артели!

Какие травы вымахали в рост!
Наверное,
По щучьему веленью.
И замирили
Полукружья кос
Перед зеленым войском
В изумленьи...

И вновь звенели, лето подкосив,
Не зная без причины остановки.
И мой отец на целый коллектив
На белом камне отбивал литовки.

Не виноват, земля, перед тобою,—
Не потревожу совести и трав.
Так подсажи,

Ну в чем же я не прав
И почему
качаю
головой?

Звезда

Звезда, звезда,
Не гасни раньше лета.
Вот сенокос наступит —
И тогда
С тобою мы
До зореньки, до света
Припомним
Все ушедшие года.

Звезда, звезда,
Не падай раньше срока.
А если упадешь —
К тому холму,
Где в зарослях
Рябины невысокой
Другая
Светит сердцу моему.

Рокоchet в таежине драга,
Все выше отвалов гряды.
От глины желтея, как брага,
Уносит обманку вода.

Ты брось в эту воду железку —
Вернешь золотою со дна.
И ворон,

Охочий до блеска,
От зависти
спятит
с ума.

Сан-Донато ¹

Травы сумерками смяты,
Кычут на ночь сарычи.
Сан-Донато,
Сон да мята —
По распадам бьют ключи.

И разносится далеко
Скрип уключин над прудом.
И железная дорога
Отзывается гудком.

Вверясь этой перекличке,
Пропущу, заморожен,
Распоследней электрички
Переполненный вагон.

Лишь под утро виновато
Постучу в твою я тишь.
Сан-Донато,
Сон да мята...
Разве это объяснишь!

¹ С а н - Д о н а т о — станция под Н. Тагилом.

А что бы раз еще взглянуть в глаза,
Обнять и слез нежданных не стыдиться...
Я отгощу и снова — на вокзал,
А мама у окошка насидится.

А мама насидится у окна,
Гоня от сердца в сотый раз тревогу...
И в этот день не моет пол она,
Чтоб я домой не позабыл дорогу.

Волшебная трава

1

Легенды наших гор в полон берут.
Им в памяти людской храниться долго.
Я как-то был в поселке Изумруд,—
Судите по названью о поселке.
Моя хозяйка, видя страсть к перу
И в полном одиночестве сучая,
За кружкой малинового чая
Побаску рассказала ввечеру.

2

Когда взорвался гневом Петроград
В семнадцатом, порою многотрудной,
Французы из компании изумрудной
Сбежали за кордон, оставив клад.

Мсье верили, что на Урал вернутся,
Когда, пройдя сквозь бури-мятежи,
Кроваво захлебнется революция.
А та штыком замкнула рубежи.

И рухнули надежды Амстердама,
Где ювелиры самый высший класс,
Пополнить изумрудами запас.
Остались без пожертвований храмы
И без колье парижские мадамы.
Каменья не уехали от нас.

Закопан был таинственный сундук
В одной из шахт, заброшенных до срока.
Какая же к нему вела дорога? —
В ревкоме допросили уйму слуг,
Земли вокруг
Перелопатив груды.
Но навсегда
исчезли
Изумруды.

С тех пор ватаги, шарясь по шурфам,
Над сгнившими досочками дрожали.
Но только ветер листьями шуршал.
Сокровища
земле
принадлежали.

3

— А я-то знаю, — молвит бабка просто, —
То место, где французов клад зарыт.
Трава там зеленой и выше в росте,
И сутками роса на ней горит.

Травинку тронешь и слегка отпрянешь:
Вся светится, как будто изумруд.
На той опушке — ну куда ни взглянешь! —
Нетоптанные травушки растут.

Туда тропа не приведет случайно,
Но коли жил светло и не греша,
Но коли к чуду тянется душа,—
Ты не минуешь в жизни этой тайны.—

Вздохнула бабка, рот перекрестила,
Привычные слова произнесла,
Нечистая, мол, не тревожь нас сила,
И почивать на печку залегла.

4

Прекрасною концовка получилась.
В окошки лето дрему занесло.
И мне опушка бабкина приснилась:
На ней и ночью темною светло.

Не осознав,
Что в той легенде правда,
А что уже додумала молва,
Я видел ясно —
Есть такие травы,
Кружилась
От дурмана
Голова.

Не от камней
Работы самой тонкой —
Без них Россия
Нищей не была,—
От силы той,
Пронзительной и звонкой,
Которой жизнь меня
Не обошла.

О, есть ли что-то
Нравне с легендой,

Далеких дней
Прекрасной кинолентой,
Летающей песней
В новые века,
Без коей счастья суть
Была бы бедной,
А память человека
Коротка?

5

Давно я не заглядывал в поселок,
Но помнится таежный уголок.
Быть может, там удачливый геолог
Заветный клад
На белый свет
Извлек.

Да бог с ним,
Кладов на земле в излишке.
Он был иль не был
Тайною шурфа,
А бабка-то была —
В ее домишке
Приснилась мне
Бесценная
Трава.

Ворочусь в родимые края...
Слаще нету
На душе желанья.
Здравствуй вечно,
Родина моя!
Принимай-ка странника,
Маманя!

Горевала старая без писем.
Хорошо, что не один у ней.
Я пойду,
От памяти зависим,
По тропинкам
Юности своей.

В этом доме
За стеной из бревен
Девушка знакомая жила.
До чего же мир вокруг
Огромен —
До сих пор судьба
Нас не свела.

Вспыхнет в сердце
Радостная мука,
Времени
Раскрошится печать.
Память как кино,
Где нету звука,
А «сапожник!»
Некому кричать.

Ворочусь в родимые края...
Нету слаще
На душе желанья.
Здравствуй вечно,
Родина моя!
Принимай-ка странника,
Маманя!

Я все острее сознаю,
Что не любить мне невозможно
Поселки, доли, бездорожье
В моем потомственном краю.

До смертной тяжести в глазах
Мне суждено здесь полнить душу
То песней, найденной в лесах,
То болью, рвущейся наружу,

Из родников студеной пить...
И каждый день за это славить
Тот край, что в горе не оставить,
А в радости не позабыть.

Последняя метель

Задремав на несколько недель,
Вдруг очнулась матушка седая.
Вот она,
Прощальная метель!
Вот она,
Разгульная какая!

И пошла, поехала бело,
В караулы выставив заносы.
Что ж ты,
Знаменитое бюро?
Где вы,
Сердцу милые
Прогнозы?

Холодит метелица дома,
Снег прощальный щедро раздавая.

И зная цену этому приходу,
Боюсь пустое слово
обронить.
Учусь негромким
голосам природы.
И слышу самый крохотный родник.

Печь

Ладил мастер ее на совесть:
Разгорится смолье едва,
И за печь я не беспокоюсь,
Лишь потрескивают дрова.

Посижу у открытой дверцы,
Разговаривая с огнем.
И не станет тревожиться сердце
Этим пасмурным зимним днем.

От невзгоды меня спасая,
Доброты дорогой не тая,
Греет душу мне радость живая,
Няня каменная моя.

Я усну, а за мною следом
Отшумит она, отпоет.
И забудем опять, что с летом
Одиночество настает.

Песня

Пережив залетных песен вьюгу,
Гармонисты не перевелись.
Ливенка звенит
На всю округу:
Отзовись, тальянка,
Отзовись!

И девчонка в мамином батисте
Надкусила яблоко греха,
Потому что до утра речисто
Объяснялись ей в любви меха.

Гармонисты —
Баловни народа,
Красный угол
Заведен для них.
Если свадьба,
Люди за полгода
Приглашают
Соловьев своих.

Нет, нельзя на свадьбе без гармонии.
Под пластинку шевелиться лень.
И тогда ребята церемонно
Заведут за плечико ремень.

Аж в мехах чубы густые вьются,
Плечи запотевшие — вразлет.
Стоит гармонисту улыбнуться —
Не одна красавица вздохнет.

И смеется, и грустит, и плачет
Вечерами русская гармонь.
Невзначай судьбу переиначит,

Бросит сердце в омут
И огонь.

Гармонисты,
Сверстники лихие,
Я от вас, друзья, не утаю:
Это ваши песни молодые
Я собрал в заветную,
Свою.

Северный ветер

Северный ветер крепчает.
Мерзнут рябины кусты.
Жаркою кружкой чая
Холода не отвести.

И на душе студенеет,
Словно известно душе,
Что-то случится и с нею.
Может, случилось уже?

Эти озерные сини,
Эти таежные сны...
Алые гроздья рябины,
Темная зелень сосны.

Северный ветер крепчает.
Ярче рябина горит.
Миру душа отвечает,
Вот почему и болит.

Следы

С утра надеваем валенки,
Бредем с удивленной душой:
След у ребенка маленький,
А у меня большой.

Мой сын в ожиданьи чуда;
Лишь начата жизнь, потому
Ему не страшна простуда
И смерть не страшна ему.

И видится — снегу навалено
За временной межей:
След у меня маленький,
А у отца большой.
Большой оборвется вскоре,
А малому — долгий путь...

Следы наши в чистом поле
Снежком заметает чуть.

Стихи о смысле

Тыщи лет,
С адамовых времен,
Человек вопросом озабочен:
Для чего на свет
Явился он?
Нет ответа, если есть —
Неточен.

Смерды, побирушки, короли,
Мудрецы, наместники господни...
Временные жители земли
Смысл искали...

Ищем мы сегодня.

Спрашивал и я себя о том.

Дети?

Да, конечно.

Но ведь мало.

Только ль для того,

Чтоб жить потом,

Миллиарды нас

Поумирало?

Снова кто-то в горестной тиши

Говорит на краешке могилы:

— Ищешь смысл?

Ищи, сынок, ищи...

Я бы сам,

Но не хватило силы.

Предок

Под какими сгнившими крестами

Ты лежишь

По воле палача,

Дальний предок,

Заводской крестьянин,

Гулеван из войска

Пугача?

Или, может, ты,

Обласкан барами,

Лил чугуна

На ядра и стволы,

Чтоб они

Во славу государыни

Бунтарей на плаху

Возвели?
И продлилась долго
Жизнь унылая?

Нет, я в это
Верить не хочу.

Не могла бедняцкая фамилия
Не прислать подмоги Пугачу!

Дожди

Я дожди за озорство
В юности любил.
С ними чувствовал родство,
Сам таким же был.

Думал я — в календаре
Миллионы дней.
Но однажды в сентябре
Не было дождей.

А когда они пошли,
Родилось в душе:
Прежние мои дожди
Кончились уже.

Тускло светит колея,
Бьет в окошко морось.
Понял я, что жизнь моя
Изменила скорость.

Все отчетливее даль,
Все крупней детали.
Жаль того, что раньше жаль
Было мне едва ли.

Что-то будет впереди?
Радости? Потери?
За неторопность дожди
Полюбил теперь я.

Все думал: я знаю
Поэзии суть.
Она мне казалась
Волшебною чуть.

Лишь стоит найти
Заповедное слово,
И вот оно, чудо,
Явилось, готово.

И только с годами
Я стал понимать:
Сравнится с поэзией
Разве что мать.

Ведь обе они,
Не считая за труд,
И совесть пробудят,
И веру вдохнут.

Мастер

Наливался камень соком,
Заиграл веселый свет,
Но гранильщик острым оком
Снова целил в самоцвет.

Лишь под утро вывел мастер
Грань-загадку, грань-секрет.
И окошки —
Настежь!
Настежь!
И скорее — за кисет.

И вздыхая облегченно,
Как проделав тяжкий путь,
Он на дедовской лавчонке
Примостился отдохнуть.

Минута

Навалится
Минуты этой тяжесть,
Когда, уже решившись
На исход
И сделать явным
Тайное отважась,
Ты медлишь,
И минута — словно год.

Но перелом,
Намеченный в судьбе,
В конце концов
Свое попросит слово.
И вмиг душа на место
Станет снова,—
Минутой
Год покажется тебе.

Приходят ночи торжества.
Преодолев косноязычье,
Оденешь в новое обличье
Полузатертые слова.

Прощайте, милые! Мне грустно.
Но выросли — не прекословь —
Уж не предчувствие, а чувство,
Не состраданье, а любовь.

Половики

То малиновая зорька,
То веселая трава...
Расплескалось красок столько,
Что кружится голова.

Домотканая работа
Полыхает, как жарки.
А всего-то, а всего-то —
Разноцветные ремки.

Да станок несложный — кросно,
Да свободный вечерок,
Да, пока не вышли звезды,
Кросна беглый стукоток.

Да еще такая малость —
Не спугнуть бы детям сна.
Да еще все дело в маме —
Не хворала бы она.

Еще не стар покуда,
Ты гонишь прочь печаль,
Считая жизнь за чудо,
Когда тебе не худо
И ничего не жаль.

Печаль души не вынет,
Печали дай черед —
Она волной нахлынет,
Но это вскоре минет,
Но это все пройдет.

У смертного причала
Ты будешь стариком
Печалиться ночами
О прошлой той печали
Наедине, тайком.

Все. Конец навигации летней.
Шуганула шуга по реке.
Как воробышек, лист последний
Притулился на мокром сучке.

В тишине было столько соблазна
Оробевшей от стужи душе,
Но на осень душа не согласна,
А над летом не властна уже.

Мне женщина
Дарила свой портрет.
Была она единственной
На свете.
«С тобою он —
Хорошая примета!» —
Шептала мне
Она светло вослед.

С тех пор,
Листою осыпая Русь,
Сменяла осень
Не однажды лето.
«С тобою он —
Хорошая примета!» —
А я в обратный путь
Не соберусь.

Когда весна идет в разлив,
Я по ночам живу тревожно.
Ко многим был несправедлив,
Теперь покаяться бы можно.

О если б это помогло
Вернуть одних
Из далей тленных,
Других,
Своих друзей бесценных,
Обнять
Всем недругам
Назло...
О если б это помогло!

Нам в юности
Не тяжелы печали.
Но как горьки
Их зрелые плоды,
Когда уже полжизни
За плечами,
Когда всего полжизни
Впереди.

Я чувствую
Растущую тревогу.
Отсрочек память
Больше не дает.
И каждая провинность —
Лыко в строку,
Но грех минувший,
Он вдвойне
В зачет.

Хрустел под каблуками подорожник,
Рвалась гроза, покуда далека.
Твои глаза огромны и тревожны,
Как эти грозовые облака.

Но я ушел,
Глазам твоим не внемля,—
Быть равнодушным не хватило сил.
Всю ночь стучали яблоки о землю,
А им еще и срок
Не выходил.

Апрель

Ничего не случилось.
Был день, как всегда, невысок,
Только тени антенн
Доставали до самого неба.

И пригрело мне солнце
Озябший зимою висок,
Выходя из-за леса
Крайюхой горячего хлеба.

Что же это? Да как же?
Пряят поутру огороды.
И уже не понять,
Где становится облаком пар.
Так открылось мне то,
Что до времени скрыто природой,—
Пробужденье Земли
Под прищуром бессонных Стожар.

Даже Шарик опешил,
На чудо не в силах залаять.
Даже бабка родная
И та отложила клубок.

Снег был тоже в раздумьи:
Лежать, почернев, или таять,
Подставляя светилу
Натруженный за зиму бок.

Мнит крылечко себя
Молодой корабельной сосною.
Состязаются птицы —
Какой золотой пересвист!
То на звонком наречьи
Беседуют весны со мною.

И пахучие вербы
Украдкою пробуют лист.

Надежда Павлова

Открылся неожиданно и нежно
Тот мир, в который я попал впервые.
В нем танцевала Павлова Надежда.
Мне помнятся глаза ее большие.

Не за балетом я следил, за ними,
И огорчался глупо и напрасно.
Здесь все необъяснимое
Прекрасно,
Здесь все прекрасное
Необъяснимо.

Крылья

Всему свой срок,
Всему свое число —
Воспоминаньям,
Радостям, потерям.
Мне лишь однажды
Крупно повезло:
Я мог взлететь...
Но в это не поверил.
Тому пошел
Уже который год.
Тогда к чему же
Запоздалый ропот?
Судьба вторично
Крылья не дает.

Имей в виду, мой сын,
Отцовский опыт.

Деревья

Да, леса уже не те, что прежде,
Впору называть их — острова.
В том, что стали наши рощи реже,
И моя повинна голова.

Каяться не буду, да и поздно:
На земле и сам не задержусь.
Но когда грохочут лесовозы,
Снова душу холодит мне грусть.

Сторожись уж тут — не сторожись,
Но куда от горькой правды деться:
Я сажал деревья только в детстве,
А дрова рублю
почти всю жизнь.

На белом — черные деревья.
На черном поле — белый снег.
И в отдалении деревня
Притихла, точно человек,
Что в ожидании тревожном
Притока неизбывных сил
Задумался о невозможном,
Когда возможное свершил.

Отцовские черемухи

В этом доме давно не живут,
Но исходят черемухи цветом.
Отчего же душа моя тут
Обитает зимой и летом?

Уж который год потому
Снится мне
Потолок горбатый.
Происходит
В этом дому
Все,
Что было со мной
Когда-то.

Возникает, как наяву,
Печь,
На ней чугунок
С картошкой.
И летящие в синеву
Занавески
В мелкий горошек.

Отдаленного своего
Детства видятся мне приметы.
Вот отец за столом.
А его
Двадцать лет
Как на свете нету.

Осыпают цветами дом
Две черемухи — память детства.
Их сажали еще с отцом.
Их с отцом мы сажали вместе.

Пушка в Кушве

Праматерь ракетного войска,
Стоит у музея она;
В том веке на Шипке геройской
Ее испытала война.

А ныне нестрашна нисколько,
Забит деревяшкою ствол.
На ней потому и дошкольник —
Стратег, полководец, орел.

О, есть упоенье в победе!
Какие салюты гремят!
Пока не шугнут краеведы
О всем позабывших ребят.

Но снова тот, рыженький в кедах,
На пушке — вихры на ветру.
Дожить бы — когда на ракетах
Мальчишки затеют игру.

Ломают дом.
Пыль горло обожгла.
Я здесь родился
На восходе лета.

Здесь каждый гвоздь —
Особая примета.
Здесь мама нам
Оладушки пекла.

Как водится
Меж добрыми людьми,

Мы жили здесь
Светло и необидно.

Ломайте поскорее,
Черт возьми,
Пока кругом народ
И плакать стыдно.

Осенние сады

Осенние сады.
Особые приметы —
Отставшие от лета
Последние плоды.

Восходит пряный дым.
Прощальная дорога.
На хворосте немного
Давай-ка посидим.

Давай-ка поглядим
На этот дым летучий.
Простим на всякий случай
Друг другу, все простим.

Замочет дождь следы,
Не ведая оглядки.
Как горестно, как сладко —
Осенние сады.

День миновал

Укрылось солнце за густой еланью.
День миновал, но, подводя итог,
Я ощутил, что радости желанной
Он не принес и принести не мог.

И сызнова не спится.
Над холодком пруда
Летит ночная птица
Неведомо куда.
Луны неяркий светоч.
Черемухи кусты.
Неловко с веток свесясь,
Качаются цветы.
Гармошки хриловато
Тоскуют на юру.
Неужто я когда-то
Возьму да и умру?

Чистополье

Чистополье.
 Белое и вечное.
В чистом поле
 невозможный свет.
Крикнешь утром —
 донесется к вечеру
Эхо беспокойное
 в ответ.

Первая охота

Такая тишина в лесах,
Что слышно за версту,
Как мишка, тутошний лешак,
Сдирает бересту.
Несу двенадцатый калибр —
Охотничью красу.

Хоть маломальский, но калиф
На целый день в лесу.
И у калифа путь тернист,
Когда он — новичок.
Но все же ты не попадись,
Хозяин-дурачок.
Раздастся выстрел роковой,
И быть тебе в беде,
Ведь мой медведь сороковой!
Еще бог знает где.
По чуткой тропочке иду.
Молчит густой сосняк.
А почему спина в поту —
И не пойму никак.

Ни луны, ни звезды, ну и ладно;
Бел снежок на пожухлой траве.
Подморозило за полночь славно,
Потому и светло в голове.
Думать худо о жизни не стоит,
Думать надобно лишь о добре.
На рябине озябшей настоян
Мир обветренный в октябре.

Олегу Капорейко

До новых апрелей
Мутны небеса.
Осеннею прелью

¹ По поверью, сороковой медведь задирает охотника.

Пропахли леса.
Иду на заре
На свидание к ним,
По росной земле
Разливается дым.
Какое же счастье
Родиться на свет!
Сосновые, здравствуйте
Тысячу лет!
Бессонные стражи
Гудят поутру.
С такими не страшно
Стоять на ветру.
Лишь слово шепни
Им о тяготах дня,
И, знаю, они
Не оставят меня.

Невозмутимы дни печальной осени.
Под листопадом горбится забор.
И дремлют лодки
на притихшем озере,
Начерпав стылой тины через борт.
Прощаюсь с летом.
Тополя легки.
Полет вершат свой листья по спирали
И покрывают мокрые мостки,
Где женщины весь день белье стирали.

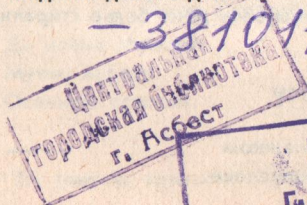
В лесу

Занесена снежком
Тропа на полуслове.

Как хорошо пешком —
Места родные внове.
Скрипят пимы легко,
В сумете след зайчишки.
Роняет далеко
Кедрач литые шишки.
А лес вокруг таков,
Каким не видел сроду.
В нем колыбель веков
Баюкает природу.
И снега звездный блеск,
И тихий говор сосен...
Заносит в сердце лес
Шум материнских кросен.
Мне так охота жить,
Что мешкать просто худо.
Но головы сложить
Не жаль за это чудо.

Выпадет нечаянная радость —
Даже ночи темные светлы,
Прошлые провинности не в тягость,
Будущие дни не тяжелы.
Боже мой, да все на свете просто! —
Осенит внезапно и легко,
Будто бы я вдруг прибавил в росте:
Видится далеко-далеко.

Содержание

«Живу на стыке севера с тайгой...»	3
Ясногорье	3
Сирень	4
Шахта	5
Братаны	6
После войны	7
Тетя Вера	8
«Отцветают поздние ромашки...»	9
Лопата	9
У запруды	10
Усталость	11
Шестидесятые	11
Последняя просьба старшего брата	12
Истоки	13
Родичи	14
Джалинда	14
Хлеб	15
Илья	16
Огонь	16
«Любимая, обидная моя...»	17
«Незнакомая заря...»	17
«Крутыми улочками Кушвы...»	18
Ровесникам	18
«Над журавлиным клином...»	19
Август	19
«Цветов некрасивых нет...»	20
Окраина	20
Костры	21
В Баранче	22
«За Турой, за Камой, за Тоболом...»	23
«Их леностью души не подведу...»	24
«Сколько разного в сердце...»	24
Домой	25
Прощанье с юностью	25
«Как сладостно...»	26
Дом	26
В шутку	27
Замри	27
Далекий год храня	29
Звенели косы	30
Звезда	31
«Рокоchet в таежине драга...»	31
Сан-Донат	32

«А что бы раз еще взглянуть в глаза...» 33
 Волшебная трава 33
 «Ворочусь в родимые края...» 36
 «Я все острее сознаю...» 38
 Последняя метель 38
 Слово 39
 Печь 40
 Песня 41
 Северный ветер 42
 Следы 43
 Стихи о смысле 43
 Предок 44
 Дожди 45
 «Все думал: я знаю...» 46
 Мастер 46
 Минута 47
 «Приходят ночи торжества...» 48
 Половики 48
 «Еще не стар покуда...» 49
 «Все. Конец навигации летней...» 49
 «Мне женщина...» 50
 «Когда весна идет в разлив...» 50
 «Нам в юности...» 51
 «Хрустел под каблуками подорожник...» 51
 Апрель 52
 Надежда Павлова 53
 Крылья 53
 Деревья 54
 «На белом — черные деревья...» 54
 Отцовские черемухи 55
 Пушка в Кушве 56
 «Ломают дом...» 56
 Осенние сады 57
 День миновал 57
 Мальчик 58
 «И сызнова не спится...» 59
 Чистополье 59
 Первая охота 59
 «Ни луны, ни звезды, ну и ладно...» 60
 «До новых апрелей...» 60
 «Невозмутимы дни печальной осени...» 61
 В лесу 61
 «Выпадет нечаянная радость...» 62

ЯСНО

ГОРЬЕ

ИБ № 876

Алексей Иванович
Чечулин

ЯСНОГОРЬЕ

Редактор М. А. Федотовских
Художник О. И. Журавлева
Художественный редактор
В. С. Солдатов
Технический редактор
Л. М. Голобокова
Корректоры Н. П. Кирсанова,
Н. Ш. Трушников

Сдано в набор 18.06.81.
Подписано в печать 19.10.81.
ИС 12230. Форм. бумаги 70×90/32.
Типографская № 1.
Журн.-рубленая гарнитура.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 2,5
Тираж 10 000. Зак. № 298.
Цена 30 коп.
Средне-Уральское книжное
издательство, Свердловск,
620219, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва
«Уральский рабочий», 620151,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

20₂
ЯСНО

ИБ № 876

Алексей Иванович
Чечулин

ЯСНОГОРЬЕ

Редактор М. А. Федотовских
Художник О. И. Журавлева
Художественный редактор
В. С. Солдатов
Технический редактор
Л. М. Голобокова
Корректоры И. П. Кирсанова,
Н. Ш. Трушеникова

Сдано в набор 18.06.81.
Подписано в печать 19.10.81.
НС 12230. Форм. бумаги 70×90/32.
Типографская № 1.
Журн.-рубленая гарнитура.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 2,5
Тираж 10 000. Зак. № 298.
Цена 30 коп.
Средне-Уральское книжное
издательство, Свердловск,
620219, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва
«Уральский рабочий», 620151,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

30 коп.

СВЕРДЛОВСК · СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1982

ЯСНО

ТОРЖЕ